

РАССКАЗ ОБ ОДЕРЖИМОСТИ КАК СКАЗОЧНЫЙ НАРРАТИВ. МЕТОДОЛОГИЯ В.Я. ПРОППА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МАТЕРИАЛАМ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ПАМФЛЕТОВ

Исследуется проблема изучения рассказа об одержимости в английских памфлетах XVI–XVII вв. как сказочных нарративах. Предлагается применение структурного анализа, предложенного В.Я. Проппом, для анализа волшебных сказок к памфлетным сюжетам об одержимости, в целях получения ранее неизвестных данных, касающихся представлений о колдовстве и сверхъестественном, характерных для массовой культуры позднесредневекового английского общества. Определяется механизм возникновения, развития и передачи нарратива об одержимости внутри английского общества на примере анализа истории одержимого Томаса Дарлинга, случившейся в г. Бертон-на-Тренте в 1596 г.

Ключевые слова: одержимость; памфлеты; представления о сверхъестественном; сказочный нарратив; Англия; XVI–XVII вв.; структурный анализ.

Погожим весенним днем из дома в близлежащий лес на охоту отправилось два человека – мужчина и его племянник-подросток. Мужчина так увлекся охотой, что упустил из виду мальчика, который вскоре окончательно заблудился и, проблуждав в лесу до самого вечера, решил возвращаться домой в одиночку. Ему повезло, он вышел на знакомую тропу и уже двинулся по направлению к дому, как вдруг перед ним появилась маленькая сгорбленная старуха. Пытаясь пройти мимо нее, мальчик нечаянно испортил воздух, на что оскорбившаяся старуха произнесла гневную тираду, наклонилась к земле и коснулась ее рукой. Мальчик остолбенел и несколько минут не двигаясь, следил за действиями женщины; придя в себя, он двинулся дальше по тропе домой, а старуха отправилась в глубь леса. По возвращению домой мальчик почувствовал себя плохо, его бросало в жар, у него отнимались части тела, его преследовали страшные мучительные видения животных, предметов и т.д. Никто не мог ему помочь – врачи не могли поставить диагноз, знахари и священники не могли принести ему облегчение. По прошествии недолгого времени местный знахарь и семья мальчика пришли к выводу, что он околдован, и начали поиск ведьмы, наведшей порчу на подростка и того, кто бы мог спасти его. На протяжении нескольких месяцев мальчика тяготил его недуг, и даже после нахождения в соседней деревне таинственной старухи и ареста виновницы всех его бед, состояние юноши никак не улучшилось. Так продолжалось до тех пор, пока в город не приехал известный проповедник, который определил его состояние как одержимость и, произведя несколько сеансов экзорцизма, не освободил его от болезни.

Эта на первый взгляд неправдоподобная история случилась на самом деле. Такова вкратце история знаменитого Бертонского мальчика – Томаса Дарлинга, имевшая место в городке Бертоне-на-Тренте в период с 27 февраля по 8 июня 1596 г. [1. Р. 157–191]. Подобного рода истории были крайне популярны и имели широкое распространение в Англии конца XVI – начал XVII столетия, большинство из них были записаны и разошлись по территории страны в виде памфлетов [2. С. 144–181]. В указанный промежуток времени жанр памфлетной литературы стал одним из самых востребованных в Англии, и на сегодняшний

день является исключительным источником для изучения позднесредневековых представлений о колдовстве и одержимости. Именно этот вид популярной и доступной литературы знакомил английскую общественность с произошедшими в стране судебными процессами над ведьмами и участвовавшими случаями проявления демонической одержимости [3. Р. 14–15].

Среди общего количества позднесредневековых памфлетов согласно их содержанию выделяются памфлеты одновременно и о колдовстве, и об одержимости, а также исключительно об одержимости [4. Р. 179]. Для данных категорий характерны: субъективное изложение и повествовательный характер описания событий; компилятивность содержания – текст памфлета строился на базе нескольких независимых документов, это, в свою очередь, обнаруживает наличие нескольких авторов памфлета, чей труд чаще всего обобщался анонимным редактором; общее стремление к стереотипизации содержания и описания сюжетов об одержимости [5. С. 91–98]. То есть в большинстве случаев события, описываемые в памфлетах об одержимости, до мельчайших деталей повторяют друг друга, несмотря на то что они описывают события, произошедшие в разное время и в разных уголках страны. Таким образом, содержание позднесредневековых памфлетов об одержимости строится по определенному клише, или структуре, которая, в целом, не может быть объяснена только соответствующими жанровыми требованиями или литературным образом, принятым в Англии в указанное время.

Кроме этого описательного и стереотипизированного характера текстов памфлетов, исследователи отмечают сильное влияние на них фольклорных, литературных поворотов и сюжетов [2. С. 159], формирующих особый художественный стиль изложения реальных событий, что в целом не отменяет их исторической достоверности [4. Р. 113]. Вместе с тем определенное влияние фольклора на содержание памфлетов об одержимости не стало определяющим в процессе понимания смысла, заключенного в этих текстах, чьи содержание и значение до сих пор остаются до конца не понятыми и не исследованными. К тому же, по мнению таких исследователей, как Ж.Н. Кепферер, сюжеты, изложенные в памфлетах, формировались под воздействием определенного мас-

сового представления о колдовстве и одержимости [6. Р. 26–27], чтобы, в свою очередь, самим воздействовать на эти массовые представления, что обращает нас к проблеме восприятия этими массами текстов памфлетов.

Тем самым встает вопрос: каким образом рассматривать и анализировать эти тексты? Стоит ли их рассматривать исключительно в рамках прямого смысла, или же под этой общей структурой повествования и изложения сюжетов об одержимости кроется нечто другое, смысл которого не улавливается современным читателем по причине культурной и временной отдаленности от создателей этих текстов? О чем же говорят эти истории об одержимости, о чем сообщал своим слушателям рассказчик и как его понимал слушатель?

Одной из первых ответ на этот вопрос попыталась найти отечественная исследовательница И.О. Тогоева. Обнаружив общую похожесть построения структуры и содержания свидетельских нарративов обвинения, она предположила, что под нарративами обвинения против ведьм и колдунов кроется некий сказочный нарратив, понятный всем членам общины и судьям, по клише, по которому и строилось стереотипизированное обвинение в колдовстве, порче и других преступлениях [7. С. 206]. Применяв методологию В.Я. Проппа к материалам судебного процесса над Жилем де Ре [8. С. 254–294], она пришла к выводам, что «для свидетельских показаний сказочный нарратив представлял собой единственно возможную доступную повествовательную форму», а в «формулах» судей и в статьях обвинения ими совершенно осознанно усиливается сказочный эффект для формирования в лице обвиняемого образа идеального сказочного злодея [7. С. 208]. Также ею отмечается, что форма записи обвинения, представляет собой совершенно очевидную фольклорную схему, что в целом позволило ей расшифровать некоторую часть элементов повествования, обнаружив в них указание на обряд инициации, древние сюжеты о лесных духах и т.д. [Там же. С. 222–231]. Так как нарратив об одержимости представляет собой один из вариантов свидетельских показаний и обвинения против ведьм (одержимые нередко становились обвинителями на подобного рода процессах) [9. С. 136–138], то, возможно, и эти нарративы представляют собой вариант сказочного повествования или обладают сходными с ним чертами, такими как единообразная структура, сходный набор сюжетов, образов и других, определяющих их реальное значение.

В связи с этим главной задачей данной статьи является определение сути и значения рассказов об одержимости, представленных на страницах английских позднесредневековых памфлетов. С целью реализации представленной задачи применим методологию структурного анализа волшебной сказки, разработанной В.Я. Проппом [10] и его учениками [11], используем разработки В.Я. Проппа относительно ключевых элементов сказочного повествования и их исторического значения [12], а также применим классификацию сказочных сюжетов Аарне–Томпсона [13] для определения соответствия нарративов об одержимости жанровой специфике и обнаружения в них но-

вых уровней интерпретации феномена в истории и в общественной жизни эпохи на предложенном выше примере – истории Томаса Дарлинга, а также проанализируем полученные выводы.

Итак, как уже было сказано, история Томаса Дарлинга случилась в городке Бертон-на-Тренте в промежутке между 27 февраля и 8 июня 1596 г. и была записана в форме памфлета в 1597 г. Как и большинство памфлетов того времени, памфлет о Бертонском одержимом является продуктом коллективного творчества. Главным редактором и издателем является Д. Денисон [14. Р. 150–154], записавший и опубликовавший эту историю по требованию заказчика публикации дедушки Томаса Дарлинга, г-на Волкедена. К тому же текст прошел еще ряд корректив и правок со стороны непосредственных участников событий – местного знахаря Дж. Би, проповедника и реформатора А. Хилдершема и протестантского экзорциста Дж. Даррела, в целях преувеличения своей роли в истории [15. Р. 127–144]. Однако главным рассказчиком и героем истории, безусловно, является тринадцатилетний Томас, чья прямая речь все же проглядывается сквозь большое количество исправлений и накладок, и которая для нас является главным материалом для анализа, поскольку представляет собой типичный рассказ жертвы околдования или одержимого. Именно эта часть памфлетного повествования будет исследована нами на трех основных уровнях: 1) сюжетном (определим нарратив об одержимости на соответствие типам сказочных сюжетов, представленных в классификации Аарне–Томпсона); 2) структурном (проверим структуру текста об одержимости Томаса Дарлинга на соответствие структуре волшебной сказки, предложенной В.Я. Проппом, рассмотрим круг действующих лиц рассказа в соответствии с функциями персонажей волшебной сказки, а также выделим основные элементы нарратива в соответствии с основными элементами волшебной сказки и проинтерпретируем их); 3) образом (рассмотрим главные образы, представленные в рассказе и определим их происхождение, значение и т.д.).

Согласно классификации сказочных сюжетов, разработанной А. Аарне и С. Томпсоном [13], рассказ об одержимости Томаса Дарлинга может быть отнесен к группе так называемых архаичных сказочных сюжетов по типу «отданных во власть лесных демонов», «невинногонимых», «семейногонимых» и т.д. [11. С. 12–20] под кодом 327, 480, 510, 709 и обнаруживает следующие сюжеты: S143 – покинутые в лесу дети, S240 – случайно запродавшие дети, обещанные духу воды и т.д. [13. Р. 116–119]. Для этого типа сказок характерно нанесение ущерба самому герою, при котором он становится жертвой колдунов, Бабы-Яги, лешего и т.п., что полностью совпадает с сюжетом истории Томаса в той ее части, где он оказывается в лесу, встречается с ведьмой и получает вред с ее стороны. Также сюжет об одержимости может быть отнесен к типу волшебных сказок под кодами 300–359, «Сверхъестественный противник», с обязательной победой над ним в конце сказки, сюжеты под кодом 314 – в услужении Дьявола, 326 – юноша, который хотел узнать страх и др. [13. Р. 114], в той части рас-

сказа об одержимости, когда жертва находится во власти демона или духа и активно сопротивляется его вмешательству, и дополнительно, когда описывается борьба экзорциста с демоном, а изгнание демона, прочитывается как окончательная победа над противником. Также в тексте присутствуют сюжеты, относящиеся к категории «сверхъестественные силы и знания», например, под кодом 670А – понимание языка животных [13. Р. 225], в тех моментах, когда одержимый демонстрирует свои сверхъестественные способности – глоссолалию, ясновидение, подражает животным и т.д., также сюда могут быть отнесены сюжеты, относящиеся к категории религиозных сказок, в частности тип 810В – прячущиеся под личной зверя от демона и т.д. [Там же. Р. 275]. В целом как сама история об одержимости, так и ее отдельные части могут быть рассмотрены как сказочный сюжет и, в общем, попадают под классификацию сказочных сюжетов Аарне-Томпсона, что дает нам возможность более детально обратиться к анализу текста уже на структурном уровне.

Обратимся к структуре повествования об одержимости Томаса Дарлинга и проанализируем ее при помощи структурной методики В.Я. Проппа [10]. Пропп выделяет особую структуру сказочных ходов, или уровней, повествования волшебной сказки, для обычной волшебной сказки характерно 22 основных хода, среди которых выделяются такие ходы, как Исходная ситуация (не является отдельным ходом, однако формирует начало сказки, является описанием героя, семейных или иных условий жизни и т.д.); Отлучка, Запрет / Благополучие; Нарушение запрета, Выведывание, Подвох, Пособничество, формирующие подготовительную часть сказки; Вредительство, Нехватка, Посредничество, Противодействие, Покидание дома / Появление дарителя, Испытание, Реакция, Снабжение, Путеводительство, Борьба, Клеймение, Победа, Ликвидация, Возвращение, Преследование, Спасение, формирующие основную часть сказки [Там же. С. 55]. После хода спасение чаще всего сказка заканчивается, однако иногда в сказке возникает дополнительный круг ходов, и их количество становится равным 31 ходу, когда сюжет сказки делает виток и повторяется по кругу. Стоит отметить, что в разных сказках некоторые ходы могут неоднократно повторяться или же, наоборот, отсутствовать [Там же. С. 26–61].

В истории Томаса Дарлинга обнаруживаются три составные части: 1) начало и завязка; 2) основная часть; 3) избавление или конец, состоящие из 32 основных уровней повествования, часть из которых по своему содержанию и функциям относится к ходам одной группы. В частности, начало и завязка включают в себя 6 основных этапов: 1) поход мальчика с дядей в лес на охоту; 2) потеря в лесу; 3) поиск дороги домой; 4) встреча со старухой; 5) оскорбление старухи и ее реакция на это; 6) возвращение домой и начало болезни. Представленный круг действий в целом совпадает с подготовительной частью сказки и частично совпадает с ее основной частью, выделяемыми В.Я. Проппом, где каждый из этапов совпадает с такими ходами, как: 1 – Отлучка, 2 и 3 – Запрет и его нарушение, 4 и 5 – Выведывание, Подвох, Пособни-

чество, сюда же входит и Вредительство, 6) Нехватка или Беда.

В памфлете, точнее, в заголовке и предисловии памфлета уже представлена некоторая исходная ситуация, в которой указывается возраст, происхождение и семейное положение мальчика. В.Я. Проппом отмечается, что чаще всего в исходной ситуации есть указание на некоторую изначальную недостачу героя, например, сюжет о сироте или сообщение о бедности героя, либо же сообщается об общем благополучии, на фоне которого последующий вред будет смотреться более ярко. В отношении Томаса Дарлинга следует отметить, что к нему в равной степени относятся обе характеристики исходной ситуации. С одной стороны, сообщается о его благочестии, юном возрасте – 13 лет, достойном происхождении: Томас, сын и внук эсквайра [1. Р. 157–159]. На протяжении всего рассказа мальчик находится на попечении своих дяди и тети мистера Туна и миссис Сандерс, а также своих деда и бабушки мистера и миссис Волкенден, из текста также следует, что дядя является учителем и воспитателем мальчика, у которого, по всей видимости, он живет и находится на содержании. Мать же мальчика в тексте памфлета появляется всего один раз, и ее имя никак не обозначается, а об отце ребенка вообще не говорится ни слова, из чего можно сделать вывод о наличии у Томаса некоторых признаков сиротства, хоть и неназванных напрямую.

В.Я. Пропп также пишет о том, что часть ходов подготовительной части может указываться косвенно, например, как ход Запрет, наличие в сказке которого определяется опосредованно и не указывается напрямую. Большая часть запретов связана со страхом вредоносного вмешательства, при этом опасность видится во всем, и в первую очередь в отлучке из дома детей, для которых внешний мир наиболее опасен, так как населен злобными существами – духами, демонами и т.д. [12. С. 29] В рассказе о Томасе также нет прямых указаний на запрет, однако его присутствие обнаруживает себя в сцене поиска дороги и встречи с ведьмой, которые можно в целом проинтерпретировать как существование некоего запрета посещать лес в одиночку, общаться с незнакомцами и т.д.

Дальнейшее повествование об одержимости Дарлинга в ее основной части, состоящей из 19 уровней, в общем, также тяготеет к структуре, описанной В.Я. Проппом, однако имеет ряд серьезных отличий. Так, В.Я. Проппом подчеркивается, что для сказок об изгнанных, околдованных героях, как в нашем случае, такие ходы, как Посредничество и Противодействие могут отсутствовать, что и наблюдается в истории об одержимости. Но и в отношении других ходов, таких как Покидание дома, Испытание, Реакция, Снабжение, можно сказать то же самое, все ходы вплоть до Путеводительства и Борьбы в тексте памфлета отсутствуют, что выглядит довольно странным. Центральное место в основной части памфлета занимают определение болезни, поиск средства избавления от болезни, поиск ведьмы и состояние мальчика. При этом важное место занимают троекратные циклы повторения одних и тех же действий, например, поход к врачу и знахарю, рассказ о встрече в лесу – и мальчиком, и

ведьмой, испытания ведьмы, припадки и видения Томаса, поиски оптимального лечения и т.д. [1. Р. 157–183].

И только в третьей части памфлета, состоящей из шести уровней повествования, ходы вновь встают на место. С момента приезда Дж. Даррелла начинается следующий круг действий – Путеводительство, Борьба, Клеймение, Победа, Ликвидация, Возвращение, Преследование и Спасение, при этом одним из главных героев становится экзорцист. Экзорциста находят, сообщают о беде, он спешит ликвидировать беду, борется, помечает Дарлинга, одерживает победу, ликвидирует беду, и уже Томас проходит круг – Возвращение, Преследование и Спасение.

Тем самым, в этой части текста прослеживаются сильное влияние агиографической литературы или ее сюжета об изгнании святыми демонов, чудо об экзорцировании бесоодержимых [16. Р. 7–17]. Данная ситуация не представляется собой нечто уникальное, любой средневековый текст так или иначе испытывал влияние христианской идеологии. Так, О.И. Тогоева отмечает, что для стереотипизированных рассказов о колдовстве характерны элементы христианской учености, например, идеи договора с дьяволом, вызова демона в целях обогащения и т.д., а также отмечается некоторое сходство сюжетов о колдовстве с агиографическими сюжетами [7. С. 212]. То же самое прослеживается в сюжетах и об одержимости, например, исследователи феномена справедливо сравнивают поведение Томаса Дарлинга с поведением святых, искушаемых дьяволом, или с жизненным путем самого Христа, называя Томаса примером пуританского благочестия или пуританским мучеником [14. Р. 150; 15. Р. 128]. Часть образов, увиденных Дарлингом во время трансов, также носит исключительно христианскую семантику: молочно-белый голубь – символ Святого Духа, Агнец Божий – символ Христа и т.д. [1. Р. 188–191]. Таким образом, в тексте памфлета наблюдается наличие двух отдельных частей повествования: 1) сюжет об околдованном мальчике; 2) сюжет о сильном экзорцисте, изгоняющем беса, связанных некой перемышкой из официальных документов и свидетельств о припадках, видениях одержимого, занимающих большую часть текста. Первая часть памфлета может быть определена как типичный сказочный сюжет, вторая – как типично агиографический сюжет.

Данная ситуация может быть объяснена наложением друг на друга двух независимых концептов в тексте памфлета, что определяется не только редакторской политикой, но и столкновением двух мировоззрений ученого и народного, в частности ученого концепта одержимости и народного концепта околдования. Само понятие «одержимость» было чуждо жителям Бертон, так как ни один из его жителей вплоть до приезда Даррелла даже не предлагал ее в качестве предполагаемого диагноза, все использовали понятие «околдование». Это во многом объясняет дальнейшее развитие истории Томаса, когда через несколько лет его обвинят в симуляции одержимости, он откажется от своих показаний и его осудят как мошенника. Однако с самого начала Томас был не согласен с трактовкой Даррелла относительно его болезни и даже

сопротивлялся, когда его называли одержимым. Находясь внутри своего понятийного аппарата, он был не согласен с понятием «одержимость», которое было ему чуждо и непонятно (свидетельствует из текста), поэтому ему действительно пришлось перестраиваться и менять свой рассказ и поведение согласно другому культурному образцу, что в целом и могло расцениваться им как обман.

Таким образом, круг ходов от Покидания героем дома до Снабжения даром, в тексте памфлета как бы отсутствует, но если рассмотреть каждую из частей памфлета более детально, то обнаруживается некоторое сращивание или наложение двух кругов ходов в первой части памфлета. Возможно, оно обусловлено тем, что в изначальную структуру повествования об одержимости включаются элементы, не присущие ей, чуждые, в частности детальные описания припадков, что вынуждает сворачивать изначальную структуру, убирая из текста памфлета возможное начало и завязку. При этом сращивании двух кругов ходов в первой части имеется и покидание дома – поход мальчика в лес; испытание или встреча с дарителем, т.е. встреча со старухой; реакция героя на испытание со стороны дарителя, которая может быть как положительной, так и отрицательной; снабжение даром, т.е. одержимостью.

Данный вывод можно сделать исходя из характера появления и поведения такого персонажа, как старуха или ведьма, появляющаяся на лесной тропе. Согласно выводам В.Я. Проппа встреча с дарителем происходит чаще всего именно в лесу, в поле или на дороге [10. С. 77], как в предложенном случае, тогда как вредитель появляется совершенно внезапно, например, как змей, прилетающий издалека, вторгающийся на территорию героя. К тому же такой персонаж, как ведьма, может выступать в сказке и как вредитель, и как даритель, и обладает двоякими чертами, о чем более подробно речь пойдет далее. При этом герой может подвергаться нападению и со стороны дарителя, и не всегда испытание заканчивается в пользу героя, но именно после его прохождения герой становится обладателем некоего волшебного средства, которое должно помочь ему ликвидировать изначальную недостачу [Там же. С. 41–42].

Если рассматривать старуху как дарителя, а изначальную недостачу видеть, например, в детском возрасте Томаса, его низком социальном статусе, это дает повод прочитывать одержимость как волшебный дар, который позволил ему не только изменить отношение взрослого окружения к себе, и привлечь колоссальное внимание к его персоне. Как уже отмечалось ранее, одержимость может пониматься и как вариант волшебных умений или навыков, которые были крайне полезны для окружения одержимого, что в целом позволяет расценивать это состояние как дар. К тому же одержимость – это способ демонстрации благочестия и чистоты Томаса Дарлинга, что также служит подтверждением нашего мнения об одержимости как даре. Проверим эти выводы при анализе действующих лиц сквозь призму функций персонажей волшебной сказки, предложенной В.Я. Проппом.

Исходя из выполняемых функций, В.Я. Пропп выделяет определенный круг персонажей-героев, обла-

дающих характерными чертами, признаками и т.д., – Вредитель, Даритель, Помощник, Царевна и ее Отец, Отправитель, Герой и Ложный герой [10. С. 73–74]. Сами персонажи, также как и ходы, в сказках разного типа могут либо присутствовать, либо отсутствовать, а их функции могут либо полностью соответствовать одному персонажу, либо совпадать частично, или же в лице одного персонажа может совмещаться круг действий двух персонажей, или же один круг действий может делиться между несколькими персонажами [Там же. С. 74–77].

В Бертонской истории упоминаются следующие персонажи: 1) Томас Дарлинг, мальчик 13 лет; 2) Алиса Гудридж, старуха 60 лет, предполагаемая ведьма; 3) Роберт Тун, охотник, дядя и учитель мальчика; 4) миссис Сандерс, тетя мальчика; 5) Джесси Би – местный знахарь; 6) Томас Грейсли – мировой судья, глава общины, эсквайр; 7) Артур Хилдершем – проповедник; 8) Джон Даррелл – главный экзорцист; 9) мать Томаса Дарлинга; 10) демон (Сатана); 11) незнакомец. В тексте упоминаются и другие действующие лица, уважаемые члены общины, свидетели, но серьезной роли они не играют, и потому могут быть упущены из виду.

В.Я. Проппа выделяет четыре типа героев, но наибольший интерес вызывают первый и четвертый тип: герой – жертва и герой искатель – спаситель. «Герой ВС – это персонаж, непосредственно пострадавший от действия вредителя или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица» [Там же. С. 47]. Как уже отмечалось, в памфлете обнаруживаются оба типа героев, к первому типу относится Томас Дарлинг, ко второму – Джон Даррелл. При этом Томас обладает характерными чертами не только жертвы, но и борца, например, в сюжетах об отчаянном сопротивлении искушениям Сатаны.

Исходя из выводов, сделанных в первой части статьи относительно совмещения в лице Адисы Гудридж функций вредителя и дарителя, наиболее острым становится вопрос о главном антагонисте, определении в тексте памфлета главного врага, т.е. вредителя. Согласно определению, предложенному В.Я. Проппом, вредителем считается тот, кто, появившись внезапно, наносит ущерб главному герою и чье поражение означает ликвидацию состояния нехватки, однако не только фигура старухи удовлетворяет этому определению. В тексте присутствует фигура, обозначаемая через других лиц и не выступающая самостоятельно, которая на первый взгляд может быть упущена из виду. Эта фигура – демон, или сатана, как в последующем его назовет Томас Дарлинг, а возможно, и редакторы текста. Именно демон причиняет вред мальчику, мучает его и создает ситуацию нехватки. Именно с ним ведется борьба, против него идет сражение и именно его в конечном счете побеждает экзорцист. Победа над демоном является кульминационной точкой текста памфлета, именно с поражением и отбыванием демона восстанавливается здоровье и благополучие Томаса, что определяет ликвидацию беды и спасение героя.

Таким образом, ведьма выступает лишь в роли второстепенного вредителя и не играет ведущей роли, совмещая в одном лице функций двух персонажей.

С одной стороны, в тексте указан момент встречи с ведьмой, а с демоном – нет, также именно ведьму разыскивают как главного врага, а демона – нет; с другой стороны, сюжет о ликвидации демона есть, а сюжета о ликвидации ведьмы – нет. Это странно и рождает ряд вопросов, так как жанр требует абсолютной ликвидации абсолютного зла, которым и является, по версии авторов памфлета и жителей Бертон ведьма, хотя все же частные отсылки на этот момент в тексте имеются. Так, редактор текста пишет: «если ведьма не мертва, то она будет казнена» [1. Р. 191]. Косвенно об этом свидетельствует наличие в тексте серьезной взаимосвязи между самочувствием мальчика и ведьмы: чем лучше становится одному, тем хуже другому. Согласно одному из примеров в тот момент, когда Томас находился в состоянии поединка с демоном и смог победить его, заключенная в тюрьму Алиса Гудридж почувствовала себя крайне плохо, ее трясло и било в судорогах, бросало в жар и т.д. [Там же. Р. 187]. Подобная связь может указывать на то, что выздоровление Томаса означало для ведьмы смерть или серьезное ухудшение ее состояния.

Однако Алиса Гудридж наделена и другими чертами – она молится за Томаса, хочет ему помочь, отдает ему свою кровь. С этой стороны, ведьма действительно выступает в качестве дарителя, если его функции заключаются в проведении обряда инициации, проведении героя через испытание. Опираясь на выводы Е.В. Мелетинского о генетической связи испытания и обряда инициации, представляющего собой специфический искушение или посвящение, по результатам которого герой получает в награду духа-защитника или помощника, проявляющихся наиболее ярко в архаических сказках и мифологических сюжетах [11. С. 18], можно сделать вывод, что в случае Томаса Дарлинга имело место именно такое посвящение, а дух-мучитель был получен им в дар от ведьмы.

Далее в тексте обнаруживается круг персонажей с одинаковыми функциями, например, группа помощников, состоящая из родственников и общинников, во главе с Робертом Туном и местным знахарем Джесси Би, серьезную роль в поиске и разоблачении ведьмы сыграли мс. Грейсли и мс. Хилдершем. Интересно, что все они в какой-то мере исполняли роль Дж. Даррелла до его прибытия, проводили испытания Дарлинга, проверяли его способности, пытались его вылечить, но безуспешно. В тексте встречается и ложный герой – некий незнакомец, появившийся в качестве зрителя на одном из испытаний Томаса и обвинивший его в мошенничестве [1. Р. 168]. Вместо того чтобы он совершал действия, предписанные настоящему герою или помощнику, он осуществляет действиям, обратные им, и в итоге оказывается повержен силой истинного героя – Томаса Дарлинга.

Теперь обратимся к расшифровке отдельных элементов повествования, исходя из выводов В.Я. Проппа относительно элементов волшебной сказки. В.Я. Пропп в своей работе предполагает, что сама сказка является отражением древних религиозных практик, определяемых спецификой первобытного мышления, мифологией и обрядовой стороной жизни, в первую очередь ритуалом. Таким образом, возможно и нарратив об

одержимости есть отражение некоего ритуала, сущность и значение которого со временем были забыты культурой, но память о котором осталась в форме определенной устной практики. Притом, что сам сюжет об одержимости, согласно классификации Аарне-Томпсона, является довольно архаичным, т.е. наиболее тесно связан с мифом и ритуалом [11. С. 32].

В тексте памфлета можно выделить следующие элементы: Таинственный лес, Избушка в лесу, Ведьма, Изгнанные и заведенные в лес дети, Испытание, Временная смерть и воскрешение, Обряд посвящения. Согласно концепции В.Я. Проппа, каждый из элементов и все вместе могут быть расценены как отсылка к обряду инициации, который, в первую очередь, мыслится как временная смерть посвящаемого. Обряд инициации ознаменовал вступление юного человека во все мифологические представления, обряды, ритуалы, пляски, означая тем самым переход во взрослую жизнь и получение в дар всех полномочий, знаний взрослого полноценного члена общины, в частности получение духа-хранителя [12. С. 89]. Таким образом, одержимость может пониматься как средство обучения и трансляции культурных кодов.

Интересным представляется и тот факт, что волшебная сказка на пространстве Британских островов как жанр записана очень поздно, в связи с тем что главные носители народной мудрости – крестьяне – исчезают в Англии довольно рано как класс [17. С. 6]. Таким образом, рассказы об одержимости и колдовстве могут быть расценены как форма сохранения устного сказочного наследия, передающегося в кругу одной общины из поколения в поколение. Об этом косвенно может свидетельствовать обнаружение схожести между нарративами об одержимости и записанными позже сказочными сюжетами. Например, текст памфлета изобилует сценами искушений Томаса демоном, в особенности различными дарами – богатством (одеждой, золотом, различными предметами), славой и властью, знаниями и т.д. [1. Р. 164–171], в том случае, если юноша пожелает присоединиться к нему. Подобный сюжет обнаруживается в сборнике «Народных английских сказок и легенд» английского фольклориста К. Бригса, в котором ведьма по имени Элисон Гросс искушает свою жертву – милого юношу, предлагая ему богатства – одежду и золото за поцелуй, а после отказа превращает его в червя. Жертва кодовства продолжал мучиться в этом облике вплоть до следующего Хэллоуина [18. Р. 25]. В обоих сюжетах, как и в сюжете о дарении духа-хранителя, обнаруживается некоторое изменение в культурной практике и восприятии фольклорных сюжетов. Прежний древний смысл забылся, при этом характер и оценка ритуала дарения становятся диаметрально противоположными и воспринимаются негативно. Несмотря на то, что ведьма дарит хранителя, обладающего полезными свойствами, новая культура прочитывает его как врага и стремится избавиться от него.

В целом история о Томасе Дарлинге, с точки зрения ее анализа на базе выводов о корнях волшебной сказки, может быть расценена как история о временной смерти или поход в мир мертвых. Так, для архаических сказок и мифов прохождение посвящения, по-

нимавшегося как временная смерть, раз и навсегда давало герою известную власть над духом, своего рода шаманское, колдовское могущество. Герой при этом всегда живой или шаман, желающий поникнуть в мир мертвых. Собственно это самое могущество и пытался продемонстрировать Томас на протяжении всей истории, сопротивляясь и борясь с демоном, оставаясь живым, он так или иначе имел связь с миром мертвых и «тем светом», об этом говорят его видения – Небес и восставших мертвецов.

Более детальный разбор каждого элемента повествования об одержимости указывает именно на обряд инициации или временной смерти героя. «Обряд посвящения юношества при наступлении половой зрелости был тесно связан с представлениями о смерти. Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком» [12. С. 39]. Данный обряд требовал соблюдения строгих правил, в частности при наступлении определенного возраста, чаще всего 13 лет, мальчика уводил в лес мужчина из его рода, отец, а если такового не имелось, то дядя, часто со стороны матери; женщины к обряду не допускались. В лесу мальчику надо было добраться до скрытого в чаще дома, где и должен был состояться обряд посвящения; довольно часто искать и найти путь до этого дома он должен был самостоятельно. Внутри дома посвящаемый мальчик подвергался ряду физических испытаний и истязаний – огнем, ранениям, клеймением, сопровождаемых состоянием безумия и болью. Также для посвящаемого были характерны временная слепота, немота, глухота, а также он должен был воздерживаться от еды и питья, что ознаменовало его смерть, хоть и временную [Там же. С. 65–72].

Подобного рода сюжеты наблюдаются и в истории Томаса. Мальчик, достигнув возраста инициации, уведен в лес мужчиной своего рода и оставлен там. Он самостоятельно ищет дорогу, встречается с той, кто проведет обряд инициации, – со старухой. Она вводит его в состояние, крайне близкое к состоянию посвящаемого, он испытывает боль, наблюдаются немота, глухота, слепота и оцепенение, во время трансов он выглядит совершенно бесчувственным, что делает его похожим на труп, при этом он также отказывается от еды и воды. Столь популярное у одержимых подражание крикам и повадкам животных, наблюдаемые и у Дарлинга, также является отсылкой на смерть. Так, оборачивание в шкуру животного, которое символически можно определить как переодевание, связано с традицией зашивания трупа в шкуру животного для переноса таким способом души в загробный мир. К тому же этот обряд мог быть защитой от вредоносного воздействия демонов или духов, защитой своей души от похищения. Многочисленные видения Томаса Дарлинга другого мира и чудеса всезнания также относятся к миру загробному, а не к миру живых: живой человек не имеет связи с миром духов, не видит мертвых, а одержимый видит.

Особый интерес в этом вопросе вызывает употребление в заглавии памфлета словосочетания «чудесное избавление Томаса Дарлинга» (*marvelous deliverance*) [1. Р. 155], но что же здесь подразумевается

под понятием чудо? Как уже было сказано, в агиографии одним из популярных сюжетов было чудо избавления от демона бесноватого, которое демонстрировал святой. Тем самым демонстрировалась сила и власть святого, христианской веры, но само избавление чудом не было. Но если понимать состояния одержимости как временной смерти, то определение чуда и чудесного становится более понятным. Таким образом, в тексте памфлета речь идет о воскрешении мальчика из мертвых, что подтверждается следующим: сразу после изгнания демона мальчик в первую очередь «отрывает свои глаза» [1. Р. 191], и на этом делается особый акцент в тексте, т.е. мальчик символически оживает.

В этом отношении интересны проводимые параллели в смене сезонов года и календарной привязке одержимости Томаса Дарлинга. Одержимость юноши наблюдается при переходах от зимы к лету, от поста к Пасхе, что также отсылает к теме смерти и воскрешения, но в этот раз в глобальном масштабе – природном, климатическом и даже религиозном, и может пониматься как борьба света и тьмы, тепла и холода, жизни и смерти. Например, большая часть интеллектуальной элиты понимала под одержимостью пророчество приближающегося конца света и видела в одержимом поле битвы между добром и злом. Также привязка избавления от одержимости к пасхальным торжествам указывает на смерть и воскрешение Христа, которому так подражал Дарлинг. Здесь серьезное значение приобретает тезис В.Я. Проппа о ритуальном и магическом воздействии на силы природы во время сезонного цикла, например, пляской, которой его обучали во время обряда инициации в лесу. Со временем пляска теряет свой изначальный смысл, превратившись в игру, театрализацию и драматизацию [12. С. 84]. Возможно, и одержимость представляет собой остаток подобного рода ритуала воздействия, поэтому она так привязана к сезонным циклам, например к осенне-зимнему или зимне-весеннему, носит публичный характер и воздействует на широкий круг зрителя.

Более того, о временной смерти героя свидетельствуют образы, представленные в тексте памфлета, все вместе и каждый в отдельности. В первую очередь, это образ Алисы Гудридж, которая в тексте описана, как «маленькая старуха в сером с черным подолом платье, в широкой шляпе с бахромой и тремя бородавками на лице» [1. Р. 159]. Появляется она в лесу, но живет на окраине города в доме на холме за лесом. Само ее появление и описание являются отсылками к образу типичной ведьмы, однако корни этого образа намного древнее и глубже и указывают на хозяйку леса, зверей и стихий, в первую очередь, связанную с зимой и смертью. В.Я. Пропп приводит множество примеров, указывающих на то, что Баба-Яга и схожие с ней персонажи являются персонификацией труп и смерти, в частности ее внешние признаки – синюшность, костяная нога или разложившиеся части тела [12. С. 51–53]. Подобные персонажи есть и в английском фольклоре, например, Синяя Старуха Верхней Шотландии, персонификация зимы и смерти, Черная Эннис из Лейстрешира, она же Старуха-с-гор в Уэль-

се, и многие другие, встреча с которыми означает неприятности [19]. Данные персонажи имеют под собой мифологическую основу и отсылают к образам древних кельтских богинь, например, Дану или Данаан – богини – прародительницы всех богов, а также Бадб или Морриган – богини сражений и смерти, главным цветом которых является серый, а аватарой – ворона [20].

Старуха всегда обитает в лесу, который также связан с миром мертвых и представляет собой пограничную зону, мост, соединяющий два мира. Все существа, населяющие лес, так или иначе несут демонический характер и являются духами – хранителями природы и могут сами выступать в роли помощников, вредителей и дарителей по отношению к главному персонажу, но во главе их стоит именно старуха [12. С. 56–60]. Старуха или ведьма как категория довольно часто становится дарителем в сказках, проводящей обряд инициации, проводником из одного мира в другой. При этом крайне важна реакция ведьмы на героя, его опознавание, чаще всего через обоняние [Там же. С. 48]. Запах живого человека неприятен старухе-ведьме, так как она мертва, и воспринимается ею как вонь, сама жизнь является для нее оскорблением. Нечто подобное обнаруживается и в истории Томаса.

Большая часть видений и образов, возникших у Дарлинга во время его приступов, также имеют отсылки к духам – хранителям леса, т.е. эльфам, которые, в свою очередь, являются душами мертвых или мертвецами [19]. Среди видений Томаса упоминаются образы зеленой или черной кошки с огненными глазами, черной собаки из Ада, ревуших медведей, драконов, диких плотоядных лошадей, зеленых ангелов, жаб, мух и др. [1. Р. 157–191]. У каждого представленного в списке образа обнаруживается сильная связь не только с лесом, но и со смертью. Так, образ диких плотоядных коней имеет аналог в английском фольклоре и указывает на коней-оборотней, или келпи, живущих в лесных водоемах – реках и озерах. Они караулят потерявшихся в лесу детей и предлагают им прокатиться на них, а когда те садятся на их спину, уволакивают детей под воду и там съедают [19]. Черная собака в английском фольклоре является отсылкой к дикой охоте, а также служит персонификацией душ умерших, призраков [18. Р. 135–136]. Такие животные, как кошки, лягушки и жабы, по мнению К. Бригс, связаны с эльфами, т.е. лесными духами своего собственного рода с весьма недобрым характером [19]. Дракон и его Образ в Англии в первую очередь связан со змеем, который довольно часто является автарой демона или Дьявола [21]. Важное значение имеет и цвет животных – зеленый, который является эльфийским, и указывает на смерть и лес [21; 22. Р. 283–305; 23. С. 117–139]. Интересно, что большая часть этих существ так или иначе связана с водой, однако прямых указаний на какой-либо водоем в тексте нет, но тенденция интересная, хотя истоки ее не до конца понятны. Представленные сюжеты показывают, что у большинства образов из видений Томаса Дарлинга существуют фольклорные или сказочные аналоги с определенным содержанием и значением. Тем самым, одержимые использовали некие общие для английского позднесредневекового общества

смыслы, закодированные в этих образах и персонажах, что создавало особый эффект при прочтении и пересказе истории Томаса Дарлинга, находившей искренний отклик в сердцах людей.

Подводя итог проведенному анализу позднесредневековых рассказов об одержимости, стоит отметить, что данные тексты и отдельные его части можно рассматривать как сказочные сюжеты. В текстах об одержимости обнаруживается определенное структурное и содержательное единообразие, подобное по своему характеру единообразной структуре волшебной сказки, что особенно ярко проявляется в начальной и заключительной частях памфлетов. Анализ текста памфлета позволил выявить в его структуре новые черты: совмещение в одном тексте концептов и понятий разных культурных сред – народной и элитарной, сведение в тексте памфлета агиографических и фольклорных сюжетов, а также своеобразное сращивание двух кругов ходов в начальной части повествования. Рассмотрение одержимости сквозь призму выводов В.Я. Проппа относительно исторических корней волшебной сказки и семантического значения отдельных элементов сказочных нарративов позволило сделать вывод о ритуальной природе явления одержимости, ее генетической связи с фольклорным, мифологическим

наследием Британских островов. Большая часть образов и сюжетов, описанных в истории Томаса Дарлинга, имеют отсылку к английскому фольклору, и могут быть проинтерпретированы как маркеры проведения обряда инициации, или посвящения, который, в свою очередь, может пониматься как временная смерть, а избавление от одержимости в этом контексте означает возрождение, возвращение к жизни.

В целом явление одержимости стоит понимать как реликтовый обряд или ритуал, изначальное значение которого позднесредневековая английская культура утратила, но продолжала транслировать его из поколения в поколение. Однако она читала его по-новому, изменив оценку и восприятие, что наиболее ярко выразилось в понимании роли ведьмы, которая из дарителя и проводника в массовом сознании превратилась во вредителя. Метод В.Я. Проппа применительно к памфлетам об одержимости оказался весьма результативным, и представленные в работе выводы формируют новый образ явления. Вместе с тем полученный материал не является окончательным и изучение рассказов об одержимости, подобно сказочному нарративу, в будущем может дать еще множество новых, ранее неизвестных фактов относительно этого явления и его понимания в период позднего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. I. D. A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirteen years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance. London, 1597 // Almond Philip C. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. 2004. P. 155–191. URL: <http://faculty.history.wisc.edu/sommerville/367/J.D.%20Wonderful.htm>
2. Игина Ю.Ф. Водовство и ведьмы в Англии: антропология зла. СПб., 2009.
3. Sharpe J.A. *Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750*. London : Hamish Hamilton, 1996.
4. Gibson M. *Reading witchcraft*. London ; New York, 1999.
5. Крылова Д.Д. Английский позднесредневековый памфлет об одержимости как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 91–98.
6. Kapferer J.-N. *Rumors: Uses, Interpretations and Images*. 1987. Trans. Bruce Fink. New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 1990.
7. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.
8. Тогоева О.И. Сказка о Синей Бороде, или Две жизни Жюль де Ре // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. Вып. 5. С. 254–294.
9. Роббинс Р.Х. *Энциклопедия колдовства и демонологии*. М., 1996.
10. Пропп В.Я. *Морфология волшебной сказки*. М., 2001.
11. Неклюдов С.Ю. *Структура волшебной сказки. Традиция–текст–фольклор*. М., 2001.
12. Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. М., 2000.
13. Aarne A., Thompson S. *Types of Folktale*. Helsinki, 1961.
14. Almond Philip C. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. 2004.
15. Sands Kathleen R. *Demon Possession in Elizabethan England*. 2004.
16. Tamm Marek. Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th–13th century) // *Folklore* 23. 2003. P. 7–17.
17. Важаев В. Сказки английского народа // *Английские народные сказки*. М., 1957. С. 3–10.
18. Briggs K. *British Folk Tales and Legend*. N.Y., 2003.
19. Бриггс К. Эльфы в традиции и культуре / пер. С.М. Печкин. Нешер ; Иерусалим, 1998–2007. URL: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FITAL/kmb_fital_0_1_acknowledgments.html
20. Кельтская мифология : энциклопедия. М. : Эскмо, 2002. URL: http://royallib.com/read/sbornik_entsiklopediya/keltskaya_mifologiya.html#0
21. Бриггс К. Эльфийский словарь / пер. С.М. Печкин. Нешер ; Иерусалим, 1998–2000. URL: http://www.docme.ru/doc/336381/katarin-briggs-e-l_fijskij-slovar_---darksign.domoj
22. Wilby Emma. *The Witch's Familiar and the Fairy in Early Modern England and Scotland* // *Folklore* 111. 2000. P. 283–305.
23. Пастуро М. *Символическая история европейского средневековья*. СПб., 2012.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 апреля 2017 г.

THE STORY OF POSSESSION AS A FAIRY TALE NARRATIVE. V. PROPP'S METHODOLOGY IN THE RESEARCH OF EARLY MODERN ENGLISH PAMPHLETS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 96–104.

DOI: 10.17223/15617793/420/13

Diana D. Krylova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Keywords: possession; pamphlets; cultural beliefs in the supernatural; England; 16th–17th centuries; fairy tale narrative; structure analysis; V. Propp.

The article raises the problem of interpretation and analysis of accounts about possession presented on the pages of early modern English pamphlets. The story of Thomas Darling is analyzed as a typical plot of English early modern popular literature. The genre of pamphleteering literature and its characteristics are considered. The structure of texts about possession is uniform. The content of pamphlets is influenced by folklore. O.I. Togoeva's experience in the analysis of the narratives of the prosecution at the trial of Gilles de Rais with the methodology of Vladimir Propp is studied. She defined testimony as a fairy tale narrative. She discovered elements of a fairy tale in the narratives of the prosecution that indicate the rite of initiation, ancient stories about forest spirits, etc. The story about possession is analyzed as the narrative of the prosecution. The significance of stories about possession is determined using the method of structural analysis of fairy tales by Vladimir Propp, his conclusions regarding historical roots of the basic elements of a fairy tale, as well as the classification of fairy plots by A. Aarne and S. Thompson, on the example of the history of Thomas Darling. There were three levels of analysis: 1) plot; 2) structure; 3) image. Stories about possession comply with the classification of Aarne-Thompson: the plots of the "innocent persecuted", "in the power of the forest demons", the "supernatural adversary" type, etc. The structure of stories about possession is similar to the structure of a fairy tale. Stories about possession comply with the initial and final circle of moves of a fairy tale. A hagiographic story about exorcisms by the saints was discovered in a pamphlet. Two narratives merge in the story about possession: 1) people about being bewitched; 2) the intellectual about possession. There are two types of characters: the victim and the savior. Two circles of moves overlap in the first part of the pamphlet. One person combines functions of two characters: the witch as a pest / giver, the possessed as a hero / victim, possession as a trouble / gift, etc. The story about possession is a form of preservation of oral fairy tale heritage. Elements of the narrative about possession are a reflection of relic ritual practices. Possession is a rite of initiation or a temporary death. Images and personalities in stories about possession are folk and mythical characters. These images are connected with themes of death and rebirth, change of seasons, etc. Possession is an ancient ritual, the culture lost its original meaning, but continued to use it interpreting it in a new way, changing its evaluation and perception. A conclusion is made about the efficiency of application of Propp's methodology to the materials of the late medieval pamphlets and the importance of its further use in order to obtain new information about the phenomenon.

REFERENCES

1. I.D. (2004) A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirteen years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance. London, 1597. In: Almond, Ph.C. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. [Online] Available from: <http://faculty.history.wisc.edu/sommerville/367/I.D.%20Wonderful.htm>.
2. Igina, Yu.F. (2009) *Vedovstvo i ved'my v Anglii: antropologiya zla* [Witchcraft and witches in England: anthropology of evil]. St. Petersburg: Al-eteyya.
3. Sharpe, J.A. (1996) *Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750*. London: Hamish Hamilton.
4. Gibson, M. (1999) *Reading witchcraft*. London; New York: Routledge Press.
5. Krylova, D.D. (2016) English early modern pamphlets about possession as historical sources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 409. pp. 91–98. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/14
6. Kapferer, J.-N. (1987) *Rumors: Uses, Interpretations and Images*. New Brunswick; London: Transaction Publishers.
7. Togoeva, O.I. (2006) "Istinnaya pravda": yazyki srednevekovogo pravosudiya ["Real Truth": languages of medieval justice]. Moscow: Nauka.
8. Togoeva, O.I. (2003) Skazka o Siney Borode, ili dve zhizni Zhilya de Re [Tale of the Bluebeard, or two lives of Gilles de Rais]. *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 5. pp. 254–294.
9. Robbins, R.H. (1996) *Entsiklopediya koldovstva i demonologii* [Encyclopedia of witchcraft and demonology]. Translated from English. Moscow: Lokid; MIF.
10. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
11. Neklyudov, S.Yu. (2001) *Struktura volshebnoy skazki. Traditsiya–tekst–fol'klor* [The structure of a fairy tale. Tradition—text—folklore]. Moscow: RSUH.
12. Propp, V.Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
13. Aarne, A. & Thompson, S. (1961) *Types of Folktale*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica.
14. Almond, Ph.C. (2004) *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Sands, K.R. (2004) *Demon Possession in Elizabethan England*. Westport: Praeger.
16. Tamm, M. (2003) Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th–13th century). *Folklore*. 23. pp. 7–17.
17. Vazhdaev, V. (1957) Skazki angliyskogo naroda [Fairy tales of the English people]. In: Shereshevskaya, N. & Klyagina-Kondrat'eva, M. (eds) *Angliyskie narodnye skazki* [English folk tales]. Translated from English. Moscow: Goslitizdat.
18. Briggs, K. (2003) *British Folk Tales and Legends*. A sampler. New York: Routledge Classics.
19. Briggs, K. (1998–2007) *El'fy v traditsii i kul'ture* [Elves in Tradition and Culture]. Translated from English by S.M. Pechkin. [Online] Available from: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FITAL/kmb_fital_0_1_acknowledgments.html.
20. Anon. (2002) *Kel'tskaya mifologiya: entsiklopediya* [Celtic mythology: encyclopedia]. Moscow: Eskmo. [Online] Available from: http://royallib.com/read/sbornik_entsiklopediya/keltskaya_mifologiya.html#0.
21. Briggs, K. (1998–2000) *El'fijskiy slovar'* [Elvish Dictionary]. Translated from English by S.M. Pechkin. [Online] Available from: http://www.docme.ru/doc/336381/katarin-briggs-e-l_fijskij-slovar._darksign.domoj.
22. Wilby, E. (2000) The Witch's Familiar and the Fairy in Early Modern England and Scotland. *Folklore*. 111. pp. 283–305.
23. Pasturo, M. (2012) *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [Symbolic history of the European Middle Ages]. Translated from French by E. Reshetnikova. St. Petersburg: Aleksandriya.

Received: 30 April 2017